

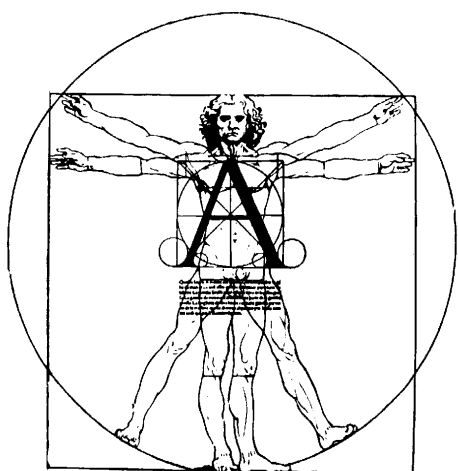
В. Н. Большаков

академик, директор Института экологии растений и животных
Уральского отделения РАН

В. И. Корюкин

доктор философских наук, директор Центральной научной
библиотеки Уральского отделения РАН

В сложном процессе становления

Книга В. И. Медведева и А. А. Алдашевой “Экологическое сознание” (Москва: Логос, 2001) активно вводит читателя в лабораторию современной экологической мысли, являет собой пример удачного многоаспектного междисциплинарного исследования. Не вызывает сомнения актуальность рассматриваемой авторами проблематики, охватывающей важные аспекты комплексного подхода к экологии человека и закономерностям общественного развития.

Особый интерес эта проблематика вызывает в Уральском отделении Российской академии наук, где не первый год ведется исследовательская работа по проекту “Многомерный человек (Человек в контексте современных социально-экологических проблем)”, поддержанному Российским гуманитарным научным фондом (проект 0006-00056а). Книга “Экологическое сознание” вышла в свет в то время, когда вопросы экологии человека приобрели важное значение в свете разрабатываемой экологической доктрины России.

Комплексный подход к проблеме человека должен включать в себя представления:

- о “производстве” самого человека;
- о воспроизводстве материальных условий жизни человека (общества);
- об устойчивости и развитии среды обитания человека;
- о воспроизводстве духовных условий жизни человека (общества), включая обучение, воспитание, генерацию и практическое освоение идей.

Решение задачи заключалось в объединении концепций, разрабатываемых в рамках экологических исследований на основе

методов современного прикладного системного анализа, теории деятельности и теории научного знания.

Философско-методологические предпосылки комплексного изучения человека

должны включать в себя отказ от рассмотрения человека “в качестве средства” (И. Кант), от рассмотрения человека как “одномерного” существа. Дилемма, касающаяся сущности человека, — “иметь” или “быть” (Э. Фромм

и др.) на современном уровне разрешается в пользу “быть” (преодоление “отчуждения”, рассмотрение человека как сознательного, деятельного, саморазвивающегося, конструктивно ориентированного существа). Необходи-

Предметом исследования авторов книги “Экологическое сознание” является психология человека в его многоуровневом взаимодействии с природой. Авторы настаивают на более точном определении понятия “экологическое сознание” и справедливо, на наш взгляд, возражают против использования термина “экологическая психология”.

димо также преодолеть односторонний подход к сознанию как отражению (сознание, по Гегелю, “не только отражает мир, но и творит его”). Необходим учет конструктивных возможностей сознания и человеческой деятельности (вспомним взгляд А. Пуанкаре на “вторую природу”: “таких тел в природе нет, но при желании они могут быть изготовлены”). Одним из важных условий обеспечения комплексного подхода к проблеме человека является слияние науки о природе и науки о человеке “в одну науку”. Как отмечал первый российский Нобелевский лауреат И. Павлов, “только последняя наука, точная наука о человеке — вернейший подход к ней со стороны всемогущего естествознания — выведет его из теперешнего мрака и очистит его от теперешнего позора в сфере межлюдских отношений”.

Предметом исследования авторов книги “Экологическое сознание” является психология человека в его многоуровневом взаимодействии с природой. Авторы настаивают на более точном определении понятия “экологическое сознание” и справедливо, на наш взгляд, возражают против использования термина “экологическая психология”.

Экологическое сознание, по мнению авторов, “не является лишь фотографией, слепком (вспомним Гегеля!) с познанных законов биогеоценоза, оно включает не только импрессивную составляющую, а обязательно формирует на основе полученной информации планы и структуры поведения, позволяющие адекватно прореагировать на окружающую обстановку и ее изменения... Экологическое сознание можно рассматривать как очень сложную, саморегулирующуюся (т. е. имеющую возможность самой менять цели, функции и звенья) систему, сформированную для решения задач установления, стабилизации или изменения взаимоотношений с природой и ее объектами, возникающих в процессе удовлетворения человеком своих потребностей” (“Экологическое сознание”, с. 25).

Весьма отраднo, что книга не содержит крайностей, обычно характерных для рассуждений на экологические темы: либо полный отказ от вмешательства в природные процессы, либо неограниченное насилие над природой. Теоретически современный экологический кризис, связанный с истощением ресурсов и нарушением биосферной регуляции, может быть разрешен двумя путями: а) достижением гармонии с природой (один из аспектов так называемого “устойчивого развития”); б) созданием искусственной саморегулируемой сверхсистемы, обладающей нужными людям качествами (взамен живой природы).

Обе эти идеи достаточно утопичны (вторая больше, чем первая), но движение по одному из этих путей (или их комбинации) неизбежно. Следует, вероятно, согласиться с разделяемой авторами критикой технократического — со стороны В. П. Зинченко (с.

139), “как мировоззрения, существенными чертами которого является примат средств над целью, цели над смыслом и общечеловеческими интереса-

ми, смысла над бытием и реальностями современного мира, техники над человеком и его ценностями”.

В книге мы находим заслуживающую внимания классификацию видов экологического сознания: от эгоистического хищнически-агрессивного до альтруистического, адекватного сущности многофакторной ситуации, в которой оказывается современный человек. Заслуживает поддержки попытка подойти к экологическому сознанию с позиций синергетики. Анализируется ситуация взаимосвязи между коллективным и индивидуальным сознанием, нередко являющимся отражением коллективного сознания, навязанного средствами массовой информации (см.: с. 157 и др.), между мифологическим сознанием и основанным на мифологии поведением. Уделено внимание сопоставлению обыденного и научного экологического сознания. Показано, что на ряд выводов таких исследователей как Мальтус, Фрейд, Юнг влияло стремление

сделать эти выводы “доступными пониманию обыденного общественного сознания” (с. 295).

Среди интересных проблем, обсуждаемых В. И. Медведевым и А. А. Алдашевой, можно выделить следующие:

— конфликт как база экологического сознания (гл. 6);

— напряжения в экологическом сознании (гл. 7);

— экологическое сознание и эмоции (гл. 8);

— когнитивные механизмы экологического сознания (гл. 9);

— формирование принципов экологического поведения (гл. 16);

— экологическое воспитание (гл. 17).

Особое внимание уделено взаимосвязи экстремальной среды и экологического сознания. Подчеркивается необходимость дифференцированного подхода к действию факторов, способных вызвать состояние “динамического рассогласования” в особенности в системах с ослабленной или отсутствующей обратной связью.

Авторы справедливо отмечают сложность экологического прогнозирования, учитывая противоречивый опыт прогнозов Римского клуба, критикуют недооценку возможностей научно-технического прогресса. Заметим, что на самом деле основным методом прогнозирования необходимости качественных изменений продолжает оставаться “экстраполяция до абсурда” и только в последнее время к прогностике подключается “принцип конечной мощности системы”.

Хочется обратить внимание на раздел, посвященный взаимосвязи проблем современной урбанистики и экологического сознания с интересным историческим экскурсом (вплоть до сопоставления воззрений Цицерона и Вергилия).

Не пройдет читатель и мимо современно-го прочтения известных суждений Д. И. Менделеева о взаимосвязи личного, общественно-го и государственного развития в системе образования.

К сожалению, справедливо критикуя “бессознательный экологический ванда-

лизм” в жизни и истории общества”, авторы не избежали известной идеализации первобытного общения человека с природой. Ибо, с одной стороны, природа была беспощадна к продуктам своего стихийного эволюционного творчества, о чем свидетельствует уничтожение значительной части животных и растений в ходе многообразных катастроф, затрагивающих и человека (вплоть до гибели целых цивилизаций).

С другой стороны, нанося порой тяжелый ущерб природе (и среде своего непосредственного обитания), человек оказался в состоянии воздействовать на нее и положительно: так, созданные человеком породы животных и сорта растений оказываются гораздо более продуктивными, а порой и более жизнеспособными, по сравнению с дикими аналогами. Обладая небольшими пространственно-энергетическими возможностями, человечество давно и широко использует природные и искусственно создаваемые “механизмы усиления” (типа цепных реакций, резонансных явлений), что открывает возможности направленного воздействия на процессы планетарного и космического масштаба, вплоть до предотвращения природных катастроф, положительного использования геофизических и других факторов.

Среди второстепенных замечаний приходится отметить, например, спорность вопроса о местонахождении и гибели легендарной Атлантиды (подробнее, см.: А. И. Войцехович. Тайны Атлантиды. М.: Вече, 2000).

Весьма туманна и вряд ли обоснованна ссылка на А. Эйнштейна: “Знание управления Эйнштейна, декларирующее предельную скорость движения, поскольку замыкает человечество в пределах бесконечно малого участка Вселенной” (с. 290). Впрочем, эти и другие аналогичные неточности могут быть легко устранены при возможных переизданиях важной и интересной книги.

В целом же авторов, издателей и читателей можно, на наш взгляд, поздравить с важным научным и учебно-практическим результатом.

Без страха и упрека...

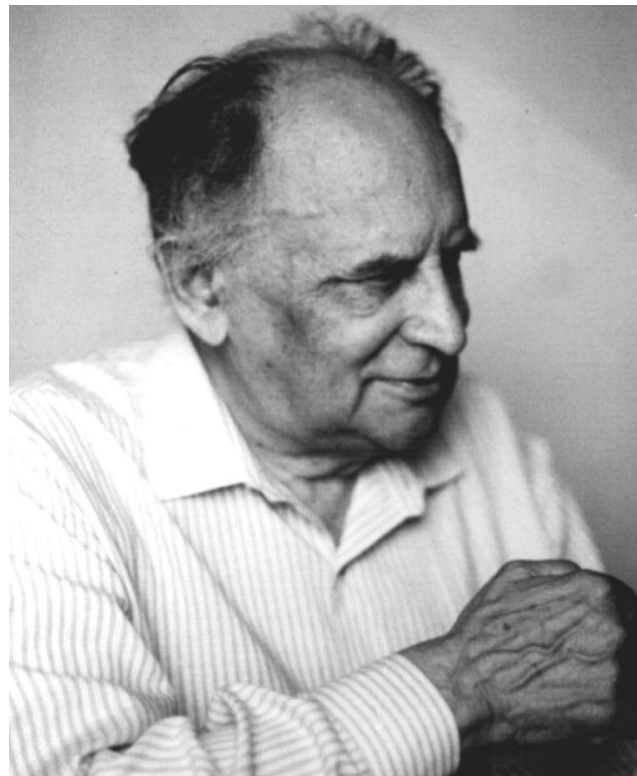
Памяти В. П. Эфроимсона

Как-то, рассматривая полки зала №1 Ленинской библиотеки в разделе государственной литературы, я увидел знакомую книгу “Введение в медицинскую генетику”. На книге было написано: “От постоянного, с некоторыми перерывами, читателя Вашей библиотеки”. Этим постоянным читателем был известный генетик и социобиолог Владимир Павлович Эфроимсон. “Перерывы” же были связаны с войной, которую он прошел от начала до конца, с тюрьмой, в которую он был водворен дважды, вынужденной ссылкой и другими перипетиями его сложной судьбы, доставшейся ему во многом благодаря неугомонному нраву, пылкому воображению, жажде справедливости и добра.

Последние две книги В. П. Эфроимсона “Генетика этики и эстетики” и “Гениальность и генетика”, подготовленные к печати его учениками, посвящены генетическим основам новой и модной ныне науки — социобиологии. Основоположником этой науки в России был Илья Ильич Мечников и в какой-то мере его брат Лев Ильич, заложивший основы не менее модной сейчас геополитики или социогеографии.

В каталогах всех наших библиотек до сих пор нет раздела “социобиология”, поэтому имеет смысл сказать о ней несколько слов.

Биологическая эволюция на нашей планете завершилась возникновением человека, и начался новый этап социальной и культурной эволюции. Появление человека сопровождалось формированием новой эволюционной адаптации с негенетическим способом наследования. Человек приспосабливается к среде с помощью духовной и материальной культуры. Рост и развитие культуры приводит к тому, что она стано-

В. П. Эфроимсон, 1988 г.

вится не только главной адаптацией, т. е. экологической нишей человека, но и средой его обитания: эволюция человека в настоящее время совершается под воздействием культуры.

Вопреки К. А. Тимирязеву, эволюция человека не прекратилась с началом его истории. Эволюция — это качественное состояние любого вида, она может прекратиться лишь с его исчезновением. С появлением культуры процесс эволюции человека стал не только биологическим, но и социальным. Социобиология изучает коэволюцию этих двух процессов.

Культуру создают и передают из поколения в поколение популяции человека. Культура — это социальная наследственность, это душа народа, его сущность и жизнь.

Всякая культура имеет свое детство, молодость, зрелость и старость, свое рождение и смерть. Любая культура имеет свою эво-

люционную судьбу и гены, лежащие в основе этой судьбы. В. П. Эфроимсон изучал гены этики и эстетики, т. е. культуры, создающей нравственную и эстетическую приспособленность человека.

Первым исследователем, который применил эволюционную теорию к человеку, стал основоположник научной биологии Чарльз Дарвин, унаследовавший не только гены, но и идеи своего знаменитого деда Эразма Дарвина, написавшего поэму “Храм природы”, где в поэтической форме изложены основные парадигмы будущего дарвинизма и их приложение к проблемам происхождения общества.

Знаменательно, что книга Ч. Дарвина, посвященная человеку, вышла в один год (1871) с трудами Э. Тэйлора и Л. Моргана, в которых были заложены основы концепции культуры. Дарвин не был антропологом, но как гениальнейший натуралист он понимал, что успех в борьбе за существование у человека определяется достижениями духовной и материальной культуры. В этой борьбе и соперничестве племен или народов побеждает та популяция, которая изобрела новый способ добывания пищи или “то племя, которое (при прочих равных условиях) заключало в себе большее число храбрых, сострадательных, преданных членов, всегда готовых предупреждать других об опасности, помогать и защищать друг друга, без всякого сомнения, это племя должно было иметь больше успеха и покорить другое”, — пишет Дарвин. “Этот инстинкт (альтруизм) был, без сомнения, приобретен, подобно всем другим общественным инстинктам, путем естественного отбора”, — заключает он (Дарвин. М., 1908. Перевод И. М. Сеченова).

Первую часть своей книги “Генетика этики и эстетики” В. П. Эфроимсон посвящает этому инстинкту. Следует напомнить, что вопрос этот впервые был поднят автором в статье “Родословная альтруизма” (Новый мир, 1971. №10), включенной в сборник “Гениальность и генетика”.

Альтруизм пользуется особым вниманием в социобиологии. Достаточно напомнить, что альтруизм и механизмы его поддержания являются краеугольным камнем американской социобиологии. Для нашего читателя вновь требуется пояснение.

Термин “социобиология” вошел в употребление с 1940 г., когда возникло американское общество исследователей животных. В 1975 г. Э. О. Уилсон издал капитальную сводку по социальному поведению животных и попытался проецировать его на человека, посвятив нашему виду ее последнюю главу, в которой заявил, что отныне можно будет по-новому взглянуть на общество, “объяснить и предвидеть историю человечества”. Выход книги Уилсона “Социобиология. Современный синтез” вызвал настоящий бум публикаций, дискуссий и возражений. Год выхода этого труда (1975) считается датой рождения новой науки — социобиологии, хотя, на наш взгляд, она в интерпретации автора и его последователей осталась отраслью этологии, изучающей социальное поведение животных, включая человека (Новожинов, 1990).

В. П. Эфроимсон был хорошо знаком с трудами американских социобиологов и не склонен высоко оценивать их эвристическую значимость, так как он понял всю “самоочевидную условность” их моделей и механистический редукционизм их обобщений и выводов. Будучи энтомологами, они так и не смогли подняться от общественных насекомых до человека, как это сделали Ч. Дарвин, И. И. Мечников, Ф. Г. Добржанский, В. П. Эфроимсон и другие создатели настоящей социобиологии.

В. П. Эфроимсон пришел к пониманию того, что “объектами отбора являются не только индивиды, но и группы индивидов, как, например, племена и расы”. Подобный межпопуляционный отбор, эффективность которого отвергается многими авторами на основе принципа “бритвы Оккама”, действует одновременно в различных направлениях, создавая и совершенствуя психические и интеллектуальные качества человека. В этом случае, как предполагал еще Ч. Дарвин и пытался обосновать Ф. Г. Добржанский, эволюцией создаются определенные этические коды, которые при некоторых условиях могут действовать вопреки интересам особи, зато увеличивают приспособленность популяции.

С ростом материальной культуры рождалась и духовная культура, ибо человек осознавал, что он пользуется общественным продук-

том и жизнь в обществе более безопасна и выгодна. Поэтому происходило развитие общественных привычек и ослабление индивидуальных навыков. Эволюционная этика, как показал П. Кропоткин, родила этику человека, а эгоизм породил альтруизм.

Групповой отбор, согласно В. П. Эфроимсону, создал целый спектр этических норм: привязанность к родичам, запрет на инцест и близкородственное скрещивание, моногамную семью, геронтофилию и т. п. Он же способствовал стремлению к познанию, групповому обучению, эстетическому восприятию, нравственному совершенствованию, т. е. создавал религию, искусство, науку и другие формы духовной культуры.

Сколь далеки все эти насыщенные фактами из генетики, эволюционной теории, психологии, медицины, истории и литературы рассуждения и мысли Эфроимсона от примитивно однозначных механических расчетов “стратегии эгоистичного гена”, “итоговой приспособленности”, выгод от “непотизма”, “реципрокного альтруизма” и других понятий и парадигм американской социобиологической школы, заменяющей групповой отбор родственным и, вопреки Дарвину, пытающейся доказать эволюцию альтруизма путем невероятной возможности особей оценивать настоящее через будущие события. Вся эволюция — и биологическая и культурная — рассматривается сторонниками этой школы глазами некоего “эгоистического гена”. Не случайно они не смогли заметить существования в США истинной социобиологии, заложенной до них одним из создателей популяционной генетики и синтетической теории эволюции Ф. Г. Добржанским, написавшим книгу “Эволюирующее человечество” (1962). Труд В. П. Эфроимсона можно с полной уверенностью считать продолжением и развитием концепции Ф. Г. Добржанского, а не построений Э. Уилсона. Это интеллектуальные продукты совершенно разных культур и менталитетов. Заметим попутно, что у Эфроимсона и Добржанского одни и те же учителя — основоположники генетики и современной биологии: Ю. А. Филипченко, Н. К. Кольцов, С. С. Четвериков и другие русские ученые, а также поэты, писатели и философы, чье творчество способ-

ствовало высокой духовности и гуманности отечественной социобиологической традиции.

Какого бы вопроса ни касался Эфроимсон, даже если по нему имеется достаточная литература и научные изыскания, как например по агрессивности человека, роли войн в эволюции, угрозе перенаселения и т. п., всегда он имеет свое собственное оригинальное мнение, часто не совпадающее с общепринятым. Более того, он приводит свои веские аргументы, которым трудно возразить, или доводы, которые трудно опровергнуть. Особенно поражает вторая часть книги “Эволюционная генетика восприимчивости к прекрасному”, которая предоставляет обильную пищу для размышлений традиционно образованным искусствоведам, культурологам и специалистам по эстетике. Как бы не возмущались оппоненты и не отвергали воззрения автора, всем им трудно будет опровергнуть роль естественного отбора в происхождении высших эстетических эмоций и духовной культуры чело-

В. П. Эфроимсон (первый слева) на фронте в 1943 г.

века. В этой главе своей книги “Генетика этики и эстетики” В. П. Эфроимсон убедительно показал закономерную преемственность и взаимодействие биологической и социальной эволюции.

Еще в доперестроечное время, в 1982 г., ученая общественность была потрясена капитальным трудом В. П. Эфроимсона “Биосоциальные факторы повышенной умственной активности”, вышедшим единственно возможным тогда депонентным способом и содержащим богатейший материал о наследственных заболеваниях выдающихся исторических личностей и проблемах происхождения гениальности, собранный невероятными усилиями автора. Этот оригинальный подход к изучению истории и культуры с позиций генетики и социобиологии автор продолжал в третьей части “Феногенетика антисоциальности” своей первой книги, уделяя особое внимание биохимическим стимуляторам агрессивности и преступности.

Нельзя не отметить, что В. П. Эфроимсон самоотверженно и смело пытался вскрыть генетическую природу многих психических признаков, чья наследственность

весьма сложна, мало изучена и трудна для понимания. В этой попытке просматриваются славные исследовательские традиции И. И. Мечникова, Н. К. Кольцова, С. Н. Давиденкова и других русских ученых понять биосоциальную природу человека и вскрыть ее дисгармонию, не покидая границ оптимизма. Ибо, как сказал еще один энциклопедист русской науки А. А. Любищев в своей интереснейшей рецензии на книгу В. П. Эфроимсона, опубликованной в этом же издании: два последних века были скорее “чистилищем человечества, а не конечным этапом” в его развитии.

В краткой аннотации к книге В. П. Эфроимсона мы читаем: “Книга написана в раскованной манере, с экскурсами в историю, социологию, этнологию”. “Ученейшие дяденьки и тетеньки”, как любил говорить Н. В. Тимофеев-Ресовский, полагают, что их труд приобретет большую научную значимость, если он будет написан строгим научным стилем. В. П. Эфроимсон был далек от “звериной серьезности”, так как он обладал очень эмоциональной натурой и огромной эрудицией. Подчас вместо научных аргументов он приводит выдержки из произведений известного писателя, поэта или мыслителя. Не случайно его книга пролежала в архивах более десяти лет: некто требовал убрать цитированные Эфроимсоном стихи его любимого поэта Н. Гумилева, реабилитированного лишь в период “перестройки”.

Прочитав “Генетику этики и эстетики”, мы убедимся, что таких любимых поэтов и писателей у автора очень много. Поражает не только научная эрудиция В. П. Эфроимсона, но и свободное владение им огромным багажом русской и зарубежной литературы, истории, этнографии, психологии и иной гуманитарной культуры. Видимо, автор прекрасно понимал, что исследование о человеке, его достоинствах и недостатках должно быть написано живым понятным языком, именно таким должен быть язык социобиологии — науки грядущего тысячелетия.

Ученые делятся на тех, кто превратил науку в специальность и делают с ее помощью карьеру (таких большинство), и тех немногих, кто занимается наукой для удовлетворения своего любопытства, своего исследовательского инстинкта, своей жажды по-

знания мира. В. П. Эфроимсон был одержимым представителем вторых. Чем бы он не занимался, что бы не исследовал, он делал это с самоотверженным остервенением, с полной самоотдачей. Не случайно его соратник по борьбе с лженаукой-лысенковщиной А. А. Любищев, будучи одним из противников Ч. Дарвина, называл Эфроимсона “густопсовым дарвинистом”, а жена звала его “Волком”. Я помню, как на совещании в память о С. С. Четверикове — создателе синтетической теории эволюции, академик П. Ф. Рокицкий журил его за чрезмерную увлеченность идеями и страстную пропаганду тенденциозных гипотез о генетике гениальности. Владимир Павлович покорно внимал, он осознавал недостаточную обоснованность своих взглядов и экспансивность их изложения, но ничего не мог поделать со своим страстным темпераментом. Академик А. П. Татаринов называл таких ученых “чужаками”. В своей статье о классификации исследователей (Журнал общей биологии, 1985. № 1) он пишет: “Если ученый экстраполирует, инженер интерпретирует, то чужаки предполагают и верит эмоционально с закрытыми глазами”. Энтузиазм чужака заражает окружающих, а сами ученые такого типа становятся жертвой своих доминант научного мышления”.

Однако В. П. Эфроимсон был не только “чужаком”, но и неимоверным трудоголиком. По 18 часов в сутки он проводил за письменными столами лабораторий, кабинетов и библиотек. В своей монографии “Биосоциальные факторы повышенной умственной активности” (Москва, 1982 (ротапринт)) он приводит патографии более 90 выдающихся подагриков от Филиппа II и Александра Македонского до Бисмарка и Ч. Дарвина. Причем, в генеалогии многих из них упоминаются 10—100 родственников, потомков и предков, а в кратком алфавитном перечне великих подагриков им упомянуты 180 выдающихся личностей всех эпох и народов. Это какую гору уникальных источников от древних до современных на всех языках необходимо перекопать, чтобы собрать сведения о болезнях Чингизхана, Кромвеля, Бориса Годунова, Генриха II Плантагенета, Вильгельма Оранского, Гамильтона, Галилея, Карла Великого, Микеланджело, Окта-

виана Августа, Ньютона, Тиберия, папы Григория Великого, Ивана Грозного, Канта, Эпикура, Юлия Цезаря и многих других!

Помимо этого в монографии содержатся подробные сведения о жизни, деятельности, болезнях и генеалогии гипоманиакальных, циклотимических гениев и выдающихся деятелей, гиперурикемически-циклотимических гениев, гигантолобых и высоколобых гениев. В главе “Гениальные и высокоталантливые роды, созданные наследственными механизмами, социальной преемственностью и брачным подбором” рассмотрены целые династии: султанов — Османов, Медичи, Бэконов, Вильгельма Оранского, его братьев и потомков; генетика одаренности, бездарности и болезней монархов Европы, наконец, генеалогия, жизнеописание, образование и заболевания Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других выдающихся писателей, философов, ученых, композиторов. Нет необходимости доказывать, что эта двухтомная монография Эфроимсона, которая вошла в сокращенном варианте в сборник “Генетика и гениальность”, изданный в 1998 г. агентством “Русский мир” (Москва) содержит библиографию всей имеющейся литературы по данному вопросу и, уж конечно, не всех источников и сводок, рассмотренных автором при подготовке рукописи (ВИНИТИ, 1982). Гигантский и неповторимый труд ждет своих исследователей и продолжателей.

Трудоспособность В. П. Эфроимсона гениальна. Между первым лагерем и войной, меньше чем за пять лет, он завершил работу над двумя диссертациями. Первую из них он защитил за две недели до начала войны. Докторскую защитил в 1947 г., хотя всю войну провел в действующей армии от начала до конца и был награжден орденами и медалями. В 1948 г., после печальной и абсурдной сессии ВАСХНИЛ, где была разгромлена вся русская генетическая школа, созданная Н. К. Кольцовым, Ю. А. Филипченко и С. С. Четвериковым, их ученик В. П. Эфроимсон вновь попадает в лагерь, из которого освобождается в 1955 г. И уже в 1964 г. выходит его капитальная монография “Введение в медицинскую генетику”, где сосредоточены все известные сведения в этой области. В 1971 г. издается не менее мощная мо-

нография Эфроимсона “Иммуногенетика” — первая книга в СССР, проторившая дорогу новой науке и современным иммуногенетическим исследованиям.

Все книги Эфроимсона, как и его статьи, проходили полосу препятствий. Сначала ее создавали Лысенко и его лженаучная мафия. Владимир Павлович отдал много сил, энергии и несколько лет своей жизни, проведенных в заключении, борьбе с этой мафией, собрав большой материал (250 страниц машинописи) и документальные свидетельства о вреде лысенковщины для науки и сельского хозяйства, которые дважды посылал в отдел науки ЦК и Генеральному прокурору СССР.

Затем, после падения Лысенко и поддерживавшего его Н. С. Хрущева, противником Эфроимсона стал известный генетик академик Н. П. Дубинин, который в своих книгах о человеке отстаивал устаревшие взгляды марксистского толка о том, что эволюция человека закончилась, что законы биологии не подходят к такому социальному созданию как человек и естественный отбор в его популяции не происходит.

Я лично испытал это давление, когда готовил к изданию свою первую книгу по социобиологии и эволюции человека под действием культуры “Филетическая эволюция человека” (Свердловск, 1983). Никто не решался дать на нее рецензию. Директор Института цитологии и генетики в Новосибирске академик Д. К. Беляев, интересовавшийся вопросами биологического и социального в человеке и написавший ряд статей на эту тему, первоначально обещал дать мне рецензию, без которой в те времена книги не выходили, но затем написал письмо, где уверял меня, что издание этой книги пойдет мне во вред и испортит карьеру. Но мне терять было нечего, я уже работал в пединституте.

В делах и исследованиях В. П. Эфроимсон никогда не руководствовался соображениями личной выгоды и карьеры. Более того, он не боялся погубить себя ради истины, победы добра и справедливости. Все его помыслы были направлены на защиту и процветание нашего народа и государства. Это проявилось еще в студенческие годы, когда он выступал в защиту своего учителя — заведующего кафедрой генетики С. С. Четве-

рикова, арестованного по ложному доносу. Это проявилось в рапорте-протесте, который он направил в высшее командование армии в 1945 г., предупреждая о том, что акты насилия и мародерства усилят сопротивление противника и приведут к ненужным жертвам. Протест этот послужил поводом к очередному аресту в 1949 г., когда он возобновил свою борьбу с лысенковщиной и номенклатурной “научной шпаной”, объявившей генетику “продажной девкой империализма”, а кибернетику — “буржуазной лженаукой”. Этими же патриотическими интересами он руководствовался, когда писал свою книгу “Педагогическая генетика”. По своему личному опыту я знаю, сколь далеки от биологии человека и генетики наши педагогические методисты и воспитатели молодого поколения.

При упоминании генетики человека они, как говорящие куклы, вспоминают евгенику, социал-дарвинизм, расизм, фашизм и прочие измы. Это идеология никогда не читавших Дарвина людей. Мы проигрываем от того, что не признаем роль генетической составляющей в образовании или преступности, от того, что отрицаем борьбу за существование в популяциях и между популяциями человека, от того, что отвергаем роль естественного отбора в современной эволюции человека.

Конечная цель человечества — это управление эволюционным процессом, а не подчинение его слепым закономерностям. Для этого человек и приобрел возможность приспосабливаться с помощью культуры.

Сейчас, когда в итоге перестройки наша культура катастрофически утратила адаптивность во всех ее формах и проявлениях (материальных и духовных), когда разрушена экономика и гибнет образование, нарушается преемственность культуры, когда “мозги уплывают на Запад, когда продажное искусство демонстрирует пир во время чумы, когда земледelec, улавливающий солнечный луч опоры любой нации и государства, хранитель генов и национальной культуры, — вымирает со скоростью около 1 млн в год, и Россия превращается в демографическую пустыню с заросшими чертополохом полями (напомним, что природа не терпит пустоты), самое время подумать о спасении и возрож-

дении нашей популяции, иначе кому нужны будут личности с их претензиями и правами. Сейчас самое время вспомнить слова В. П. Эфроимсона, написанные им в “Педагогической генетике”: “Но создание истинно справедливого общества требует не столько изобилия (эксплуатация человека человеком, более того — порабощение человека осуществляется и в обществе изобилия), сколько поднятия общественной и личной этики до уровня само собой разумеющегося равенства, свободы, братства и альтруизма”. Сейчас необходимо помнить и о том, что на космическом корабле Земля остался один отсек, где сохранились еще природные и духовные богатства (Россия), а взоры потребительского общества уже обратились к нему.

Судьба, поведение и творчество В. П. Эфроимсона в какой-то мере напоминают мне

судьбу, поступки и творчество выдающегося русского поэта Осипа Мандельштама.

Я, руководствуясь эмоциями, написал об этом Владимиру Павловичу, и он сообщил мне, что Мандельштам — его любимый поэт. Думаю, что он не возражал, если бы Осип Эмильевич посвятил ему замечательные стихи о “пламенном Ламарке”:

*Был старик,
застенчивый, как мальчик,
Неуклюжий и робкий патриарх...
Кто за честь природы
фехтовальщик?
Ну, конечно, пламенный Ламарк.*

Владимир Павлович Эфроимсон, мой дорогой учитель, жил, боролся и умер как фехтовальщик за честь науки. Книгу “Адаптивность красоты”, которую я сейчас заканчиваю, хочу посвятить ему.

В. К. Рябицев

Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири

В Екатеринбурге в 2001 году вышла в свет книга о птицах. Ее автор председатель Уральского орнитологического общества, доктор биологических наук, сотрудник Института экологии растений и животных УрО РАН В. К. Рябицев. Книга эта — справочник-определитель — рассказывает о признаках, голосах, распространении и образе жизни 430 видов птиц, начиная от таких известных, как воробей, кукушка, синица, ворона, и кончая редкими видами пернатых, занесенными в Красную Книгу.

Справочник-определитель содержит почти две тысячи акварельных рисунков. Их автор — тоже В. К. Рябицев. Он рассказывает о своей книге.

* * *

Справочник-определитель нужен и студентам, и профессионалам-орнитологам. Такая книга необходима каждой школе, а также и юным натуралистам, занимающимся в кружках. Но особенно пригодится она тем, кто занят охраной природы: егерям, работникам за-

поведников, комитетов по охране природы. Только зная природу, можно ее грамотно защитить. Такой определитель будет полезен и охотникам, и охотоведам: сейчас немало людей становятся браконьерами по незнанию.

В нашей стране долго не существовало достаточно полных определителей птиц. Лучший из них — “Птицы СССР” был выпущен только в 1968 году. Моя книга о птицах — плод многолетних трудов — издана тиражом 3000 экземпляров на средства коллег-орнитологов и некоторых заинтересованных организаций. В ней более 600 страниц и 96 цветных таблиц. Тираж явно недостаточен для такого большого региона, однако есть надежда на получение гранта для второго издания — справочник должен попасть в каждое образовательное учреждение.

Тридцать лет я отработал в тундре, все летние месяцы изучая птиц. Птицы тундры — самые любимые. Многие другие — тоже. Но есть и откровенно нелюбимые, например во-

рона. Это — бандюга, притом очень умная. Разоряет птичьи гнезда, заклеывает зайчат. Или чайка — такой же разбойник при всем романтическом ореоле, которым окружили ее поэты. Никакого намека на совесть.

Что касается моих рисунков к книге, то многие орнитологи, ихтиологи и другие уче-

ные-натуралисты умеют рисовать. Я рисованием увлекался еще в школе, потом много занимался самостоятельно, теперь это очень пригодилось, как и прежнее увлечение музыкой. Музыка развивает слух, а орнитологу это просто необходимо: мы больше слушаем, чем видим глазами.

Восточно-Уральский радиоактивный след. Проблемы реабилитации населения и территорий Свердловской области.

Екатеринбург: УрО РАН, 2000

Опубликованы результаты комплексного исследования динамики радиационного и социально-экономического состояния территорий, пострадавших в результате деятельности ПО “Маяк”, прежде всего — аварии 1957 г.

Давая характеристику зоны Восточно-Уральского радиоактивного следа до радиационного инцидента, авторы приводят данные о населении, распределении земельных угодий, промышленном и сельскохозяйственном развитии территории, в последствии подвергшейся радиоактивному загрязнению, об особенностях Восточно-Уральской эколого-радиогеохимической зоны по данным радиометрических съемок 1955—1956 гг. и 1966—1991 гг., а также характеризуется материальная база развития здравоохранения, образования и культуры.

Анализ поставочных мер дан на основе программных документов, постановлений областного Совета народных депутатов, а также перечня экстренных мер по ликвидации последствий аварии в отношении земельных угодий и поголовья скота. Оцениваются предпринятые меры и действия по обеспечению дальнейшего проживания людей на пораженных территориях. Авторы отмечают, что во многих случаях реально проведенные работы оказались недостаточны.

Экономические последствия радиоактивного загрязнения территорий области содержат демографические и миграционные характеристики населения с 1959 по

1994 гг., показатели производственно-экономических последствий заражения территорий: выявлен упадок транспортных коммуникаций, промышленности, животноводства, изменение структуры посевных площадей и т. д.

Авторы знакомят читателя с государственными программами реабилитации населения и территории на 1992—1995 и 1999—2000 годы — в сопоставлении запланированных и в действительности реализованных капиталовложений. Основными направлениями программы 1992—1995 гг. были контроль эколого-радиационной обстановки; меры по стабилизации сельскохозяйственного производства и лесного хозяйства; социально-экономическая реабилитация территорий и развитие здравоохранения в регионе.

Социальные последствия радиационной аварии позволяют оценить изменение качества жизни и уровня жизни в исследуемых районах. Авторами собраны данные об обеспеченности жильем, благоустройстве населенных пунктов, количестве учреждений образования и здравоохранения, состоянии транспорта и связи, а также статистика потребления продуктов питания, расчет прожиточного минимума, среднедушевого дохода, покупательской способности населения. Ущерб, обусловленный снижением уровня жизни, составляет по Свердловской области 609.2 млрд руб. (104 млн дол.) единовременных и 35.3 млрд руб. (60 млн дол.) годовых текущих затрат.

В книге содержится также оценка здоровья населения на территории районов ВУРСа: показатели заболеваемости и смертности, в том числе и от злокачественных новообразований, последствия радиационных поражений для здоровья различных групп населения, беременных женщин и детей, жителей различных населенных пунктов и территориальных подразделений области.

Книга включает обширную библиографию и в приложении — карты, схемы и справочные материалы. Издание представляет значительную ценность для специалистов и официальных лиц, участвующих в программах реабилитации данной территории, прежде всего как справочное пособие и источник фактических данных.

Д. Ю. Демежко

Геотермический метод реконструкции палеоклимата (на примере Урала).

Екатеринбург: УрО РАН, 2001

Описаны физические принципы метода реконструкции палеоклимата (температурной истории земной поверхности), основанного на изучении современного распределения температур горных пород в скважинах. Теоретически обоснованы предельные характеристики метода (длительность ряда реконструкций, разрешающая способность). Рассмотрены источники возможных погрешностей и методика оценки соотношения сигнал/шум. Приведены результаты реконструкции температурных

историй по данным скважинной термометрии на Урале. Исследована взаимосвязь среднегодовых температур поверхности и других элементов климатической системы (температуры воздуха, снежного покрова, циркуляции атмосферы).

Книга рассчитана на геофизиков — специалистов в области геотермии, а также палеоклиматологов, географов. Может быть полезна студентам и аспирантам геофизических и географических специальностей вузов.

**М. В. Черешнева, Ю. И. Шилов,
О. Н. Баданина, В. А. Черешнев,
Н. Н. Кеворков, Т. Б. Пономарева, С. Ю. Шилов**

Иммунокоррекция при ранении глаза.

Екатеринбург: УрО РАН, 2001

В книге на основе комплексного клинико-экспериментального иммунологического исследования обоснованы подходы к патогенетической иммунотерапии при ранении глаза, включая использование современных отечественных иммуномодуляторов — полиоксидония, миелопида, тимогена. Представлены оригинальные данные авторов, раскрывающие возможность включения в комплексную терапию полиоксидония в экспериментальной модели проникающего ранения глаза. Изложены новые подходы к оценке эффективности действия иммуномодуляторов в

клинике. Впервые в отечественной офтальмологии для оценки иммунного статуса использован матричный метод, перспективный для более широкого применения в клинической иммунологии. Издание направлено на унификацию методов оценки иммунного статуса и анализа эффективности иммунокорригирующей терапии.

Книга адресована офтальмологам, иммунологам, врачам других специальностей, биологам, студентам медицинских и биологических высших учебных заведений.